

МОНАРХЪ.

ИППАРХЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

О содержаніи Иппарха мы по мѣстамъ дѣлали свои замѣчанія подѣ чертою переведеннаго нами текста; стало-быть, здѣсь нѣтъ надобности много говорить о немъ. Не считаемъ также нужнымъ входить въ длинныя изслѣдованія относительно достовѣрности и важности этой книги; довольно уже и того, что сказано нами по поводу разсмотрѣнія греческаго ея подлинника. А кто пожелаетъ бѣльшихъ подробностей, тотъ можетъ найти ихъ въ разсужденіяхъ Волькенара (*De Fragm. Callimachi* p. 22; ad *Herodot.* p. 398 ed. Wessel. *Diatrib. in Eurip. Fragm.* p. 291), Вольфія (*Prolegg. ad Homer.* p. CXIV sq.), Бекка (*in Min. et Legg.* p. 34 sqq.), Аста (*De vita et scriptis Plat.* p. 497), Зохера (*de scriptis Plat.* p. 122 sq.). Всѣ эти критики согласны въ томъ, что Иппархъ и по своей формѣ, и по господствующему въ немъ образу изложенія мыслей, никакъ не можетъ быть приписанъ Платону; что ни предметъ его недостойнъ имени этого философа, ни въ методѣ раскрытія понятій нѣтъ ничего ему свойственнаго. Беккъ (*in Min. et Legg.* p. 43 sqq.), основываясь на словахъ Діогена Лаэртія (II, 122 sqq.), старался доказать, что этотъ разговоръ, вмѣстѣ съ *Миносомъ* и сочиненіями о праведникѣ и добродѣтели надобно приписывать Симону Сократіку. Но все еще можно сомнѣваться, дѣйствительно ли Симонъ былъ писателемъ Иппарха; кажется, всего легче придти къ убѣж

денію, что Иппархъ написанъ какимъ-то ремесленникомъ, не-получившимъ изящнаго научнаго образованія. Правда, въ языкѣ этого разговора нѣтъ ничего, чуждаго современной Платону письменности; но сочетаніе мыслей въ немъ такъ неестественно и нелѣпо, исчисленіе примѣровъ по мѣстамъ такъ скучно и сухо, заключенія выводятся такъ изысканно и принужденно, что не могъ, кажется, столь худо изложить его не только Платонъ, но и никакой другой, порядочно образованный Аѳинянинъ. Это сочиненіе написано, по всей вѣроятности, кѣмъ-нибудь въ школахъ риторовъ послѣдующаго времени, которыя, какъ извѣстно, породили много подобныхъ образцовъ учености.

Самая идея этого діалога противорѣчитъ характеру и направленію Платоновой философіи. Очеркъ ея можно сдѣлать немногими словами. Всякая корысть, говоритъ писатель Иппарха, есть добро для того, кто ее желаетъ; поэтому любить корысть не болѣе преступно, какъ и любить добро. Корысть любятъ всѣ люди, добры ли они, или злы. Надобно только знать, что то, что составляетъ корысть или добро, не есть та или другая виѣшняя видимость, но есть внутренняя и реальная цѣнность вещи. Этого-то реального значенія ея мудрецъ никогда не теряетъ изъ виду. Итакъ, надобно прояснять и направлять корыстолюбіе, а не изгонять его.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

СОКРАТЪ И ДРУГЪ.

Сокр. Что такое—корыстолюбіе? Что оно? и кто корыстолюбцы ¹?

Др. Мнѣ кажется, это тѣ, которые домогаются получить пользу отъ вещей ничего нестоющихъ ².

Сокр. Но знаютъ ли они, по твоему мнѣнію, что эти вещи ничего не стоятъ, или не знаютъ? Если не знаютъ, то корыстолюбцевъ ты называешь несмысленными.

Др. Нѣтъ, не несмысленными я называю ихъ, а лукавыми и людьми дурными, преданными корысти: они знаютъ, что въ тѣ вещи ничего не стоятъ, въ которыхъ держатъ находить пищу своему корыстолюбію, и однакожъ, по безстыдству, все-таки осмѣливаются питать его.

Сокр. Но не такимъ ли считаешь ты корыстолюбца, ка-

¹ Самое начало этого діалога показываетъ его подложность, какъ замѣтилъ это еще *Valkenar. ad Callimach. Fragm. p. 32.* Правда, и Платонъ иногда вводитъ своихъ читателей какбы прямо въ средину рѣчи: но у него это бываетъ иначе; стоитъ только сравнить, на примѣръ, вступленіе Кратила и Филеба. Притомъ, начальная фраза Иппарха: *Τί γάρ τὸ φιλοκερδέες* — вовсе не платоническая. Клему здѣсь это *γάρ*? Посему Беккъ (*Præfat. ad. Simonis Socratici Dialogos p. XXVII*) хотѣлъ читать этотъ текстъ такъ: *Τί γάρ; τὸ φιλοκερδέες τί ποτὲ ἐστὶ, καὶ τίνες οἱ φιλοκερδέεις*; чрезъ это вступительная рѣчь представляется, конечно, не такъ странною.

² Опредѣленіе корыстолюбія слишкомъ странное и дѣтски наивное. Писатель при этомъ, кажется, имѣлъ въ виду только игру словъ: *οἱ κερδαίνειν ἀξιῶσιν ἀπὸ τῶν μηδενὸς ἀξίωυ*, и предисловіе такого положенія, которое своею неопредѣленностію давало бы поводъ къ противорѣчушимъ заключеніямъ.

ковъ бываетъ земледѣлецъ, когда, сажая растеніе, хотя и знаетъ, что оно ничего не стоитъ, однакожь выращаетъ его, чтобы получить корысть? Не такимъ ли считаешь его?

Др. Корыстолюбецъ-то думаетъ, Сократъ, что надобно отъ всего получать пользу.

- С. *Сокр.* Ты отвѣчай мнѣ внимательно а не такъ легкомысленно, будто обиженный кѣмъ-нибудь ¹. Я спрашиваю тебя какбы опять сначала. Не согласишься ли ты, что корыстолюбецъ есть знатокъ въ достоинствѣ того, чѣмъ желаетъ онъ пользоваться?

Др. Согласенъ.

Сокр. А кто знатокъ въ достоинствѣ растеній и въ томъ, когда и въ какой почвѣ слѣдуетъ сажать ихъ? Давай-ка, и мы привнесемъ нѣсколько умныхъ словъ, какими люди, способные въ дѣлопроизводствѣ, украшаютъ свои рѣчи.

- Д. *Др.* Я думаю, земледѣлецъ.

Сокр. Но желать пользоваться — не значить ли, по твоему, думать, что надобно пользоваться?

Др. По моему, это.

- Сокр.* Такъ ты, — человекъ такой молодой, не берись обманывать меня, старика ², давая мнѣ, какъ сейчасъ, такой отвѣтъ, какого нѣтъ въ твоей головѣ, но скажи правду ³: точно ли есть, думаешь, какой-нибудь земледѣлецъ, который зна-

¹ Явно, что такой тонъ рѣчи нисколько несвойственъ Сократу. Собесѣдникъ его, какъ видно изъ предшествующихъ отвѣтовъ, и не думалъ сердиться или обижаться чѣмъ-нибудь, а только настаивалъ на объявленномъ своемъ мнѣніи съ надлежащею скромностью, такъ какъ оно не было еще достаточно опровергнуто Сократомъ. Напротивъ, Сократъ досаждаетъ, что онъ не вдругъ соглашается съ его словами, и относится къ нему съ какими-то вовсе неприличными выраженіями педанта-наставника, что никакъ не въ тонѣ и характерѣ истиннаго Сократа.

² Этотъ оборотъ есть явное подражаніе словамъ Сократа въ Менонѣ р. 76 А. 81 Е.

³ Прежде, то-есть, собесѣдникъ утверждалъ, что корыстолюбцы хотятъ пользоваться отъ вещей ничего нестоющихъ, а теперь полагаетъ, что вещамъ, которыми корыстуются, они приписываютъ нѣкоторую цѣнность. Въ этомъ-то Сократъ замѣчаетъ хитрость или неискренность своего собесѣдника. Но какъ это неловко, неестественно, несократически!

еть, что сажаемое имъ ничего не стоитъ, и однакожь предполагать отъ него корытоваться?

Др. Клянусь Зевсомъ, не думаю.

Сокр. Что же? берейторъ, зная, что лошади даетъ онъ кормъ ничего нестоющій, не знаетъ, думаешь, что портить лошадь?

Др. Не думаю.

Сокр. Стало-быть, онъ не предполагаетъ уже и корытовать- В. ся отъ этого ничего нестоющаго корма.

Др. Нѣтъ.

Сокр. Что же? кораблеводитель, приготовившій для корабля ничего нестоющіе паруса и рули, не знаетъ, думаешь, что онъ потерпитъ вредъ и подвергнется опасности — какъ самъ погибнуть, такъ и корабль погубить, и все, что везетъ?

Др. Не думаю.

Сокр. Стало-быть, онъ не предполагаетъ же корытоваться отъ ничего нестоющей снасти.

Др. Конечно нѣтъ. С.

Сокр. А военачальникъ, зная, что войско у него снабжено ничего нестоющимъ оружіемъ, думаетъ и желаетъ корытоваться отъ этого?

Др. Отнюдь нѣтъ.

Сокр. Но флейщикъ, у котораго ничего не стоятъ флейты, или цитристъ, у котораго такова лира, или стрѣлокъ, у котораго таковъ лукъ, или вообще какой-бы ни былъ мастеръ, либо иной благоразумный человѣкъ, имѣющій у себя ничего нестоющія орудія, или какіе другіе снаряды, думаетъ ли отъ нихъ корытоваться?

Др. Ужъ явно, что нѣтъ. D.

Сокр. Кого же называешь ты корыстолюбцами?— Вѣдь ужъ конечно, не тѣхъ же, которыхъ мы перечислили, которые, то есть, зная, что вещи у него ничего не стоятъ, думаютъ, что надо отъ нихъ корытоваться. Такимъ-то образомъ, почтеннѣйшій, какъ ты говоришь, между людьми никто не корыстолюбивъ.

Др. Но корыстолюбивыми, Сократъ, я хочу называть тѣхъ, которые, по ненасытности, всегда чрезвычайно жадничаютъ и корыстуются даже маловажнымъ, мало или ничего нестоющимъ ¹.

Е. *Сокр.* Вѣроятно, не зная, почтеннѣйшій, что это ничего не стоитъ; потому что иначе — въ невозможности этого убѣдило насъ наше же разсужденіе.

Др. Мнѣ кажется.

Сокр. А если не зная, то явно, что безъ признанія думаютъ они, будто ничего нестоющее стоитъ много.

Др. Явно.

Сокр. Корыстолюбивые-то иное ли что любятъ, какъ не корысть?

Др. Да, не иное.

Сокр. А корысть называешь ты противоположнымъ убытку?

Др. Да.

227. *Сокр.* Такъ теперь убытокъ добро ли кому-нибудь?

Др. Никому.

Сокр. Напротивъ—зло?

Др. Да.

Сокр. Стало-быть, отъ убытка люди терпятъ вредъ?

Др. Терпятъ вредъ.

Сокр. Слѣдовательно, убытокъ—зло.

Др. Да.

Сокр. А корысть противоположна убытку.

¹ Это—второе опредѣленіе корыстолюбія. Корыстолюбивыми называются тѣ, которые, по жадности, сильно домогаются вещей маловажныхъ, или даже ничего нестоющихъ. Достойно замѣчанія, какимъ образомъ Сократъ отличаетъ собесѣдника во лжи. Сперва опять поставляется на видъ мнѣніе его, что корыстолюбивые желаютъ τὰ ἄλλοιου καὶ οὐδενὸς ἄξια, и отсюда выводится, что такіе люди находятся въ крайнемъ заблужденіи и невѣжествѣ. Потомъ полагается, что корысть, поколику она противоположна убытку, есть добро; слѣдовательно, корыстолюбивые любятъ добро. А такъ какъ любовь къ добру надобно приписать всѣмъ людямъ, то корыстолюбіе есть свойство всѣхъ людей. Софизмъ, очевидно, заключается въ томъ, что изъ понятія корысти, какъ добра ad hominem, дѣлается заключеніе къ добру pro genere humano, т.-е. изъ частнаго выводится общее.

Др. Противуположна.

Сокр. Стало-быть, корысть—добро.

Др. Да.

Сокр. Такъ корыстолюбивыхъ называешь ты любителями добра.

Др. Походить.

Сокр. Не сумасшедшими же, другъ мой, считаешь ты корыстолюбцевъ. А самъ любишь ли то, что—добро, или не любишь?

Др. Люблю.

Сокр. Но то, чего не любишь, доброе ли что-нибудь есть, или злое?

Др. Клянусь Зевсомъ, недоброе.

Сокр. Напротивъ, все доброе, ты, можетъ быть, любишь.

Др. Да.

Сокр. Спроси же и меня, не люблю ли и я,—и я признаюсь тебѣ, что люблю доброе. Да и кромѣ меня и тебя, всѣ другіе люди,—не кажется ли тебѣ?—доброе любить, а злое ненавидѣть.

Др. По мнѣ, это явно.

Сокр. Но корысть признали мы добромъ?

Др. Да.

Сокр. Такъ вотъ и открывается, что всѣ люди корыстолюбивы. А прежде мы говорили, что никто не корыстолюбивъ. Которое же мнѣніе принять, чтобы не ошибиться?

Др. Думаю, мнѣніе того, Сократъ, кто правильно понимаетъ человѣка корыстолюбиваго; а правильно понимаетъ его тотъ, кто занимается подобными дѣлами и желаетъ получать корысть отъ того, чѣмъ добрые корыстоваться не смѣютъ¹.

Сокр. Но видишь, милый мой, мы недавно согласились, что корыстоваться значитъ получать пользу.

¹ Собесѣдникъ дѣлаетъ здѣсь третье опредѣленіе корыстолюбія, полагая, что корыстолюбивыми называются тѣ, которые хотятъ корыстоваться вещами, невыносимыми для человѣка честнаго и совѣстливаго. Посему это опредѣленіе тѣмъ только отличается отъ прежняго, что тамъ принимаемы были въ расчетъ вещи ничего незначущія, а здѣсь берутся постыдныя.

Др. Такъ что жъ изъ этого?

Сокр. То, что вмѣстѣ съ этимъ мы признали справедливымъ, что всѣ и всегда хотятъ себѣ добра.

Др. Да.

Сокр. Поэтому и люди добрые хотятъ всякихъ корыстей, если только корысть—добро.

Б. *Др.* Но не тѣхъ, Сократъ, отъ которыхъ по крайней мѣрѣ ожидаютъ вреда.

Сокр. А получать вредъ, — значить ли, скажешь, терпѣть убытокъ, или представляешь иное что-нибудь?

Др. Нѣтъ, говорю, терпѣть убытокъ.

Сокр. Такъ отъ корысти ли люди терпятъ убытокъ, или отъ убытка?

Др. Отъ того и другаго: они терпятъ убытокъ и отъ убытка, и отъ дурной корысти.

Сокр. Но кажется ли тебѣ, что какое-нибудь благодѣтельное и доброе дѣло бываетъ дѣломъ худымъ?

Др. Не кажется.

228. *Сокр.* Не согласились ли мы немного прежде, что убытку, какъ злу, корысть противоположна?

Др. Полагаю.

Сокр. А противоположное злу есть добро?

Др. Согласились.

Сокр. Видишь ли? ты берешься меня обмануть: нарочно говоришь-противное тому, въ чемъ мы недавно согласились.

Др. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, Сократъ: напротивъ, ты обманываешь меня и, не знаю, какъ-то вертишься въ рѣчи туда и сюда.

В. *Сокр.* Говори лучше: вѣдь я, конечно, нехорошо сдѣлалъ бы, не слушаясь человѣка добраго и мудраго.

Др. Кого это, и въ чемъ?

Сокр. Моего и твоего согражданина, сына Пизистратова изъ дѣмы филедской, Иппарха ¹, который между дѣтьми Пи-

¹ Сократъ, съ намѣреніемъ оправдать себя предъ собесѣдникомъ, что не хочетъ его обманывать, приводитъ мнѣніе Иппарха, что друзей обманывать

зистрата былъ самымъ старшимъ и самымъ мудрымъ. Этотъ Иппархъ показалъ много и другихъ прекрасныхъ опытовъ мудрости ¹, да первый принесъ на эту землю и поэмы Омистра ² и заставилъ рапсодовъ преемственно читать ихъ по-порядку ³ на панаѳинейхъ, какъ дѣлають они это и теперь. Онъ же привезъ въ нашъ городъ и Анакреона теосскаго, похвалъ за нимъ пятидесяти-весельное судно; а Симонида кеосскаго всегда имѣлъ при себѣ и располагалъ его къ тому великими наградами и дарами ⁴. Это дѣлалъ онъ, желая образо-

С.

не должно и по сему поводу рассказываетъ объ учрежденіяхъ Пизистратидовъ. Этотъ рассказъ самъ по себѣ не неприятенъ, но въ отношеніи къ главному вопросу діалога почти вовсе неумѣстенъ. Составляя едва не четвертую часть всего сочиненія, онъ направляется только къ убѣжденію собесѣдника, что Сократъ не намѣренъ его обманывать. Стало-быть, это совершенно произвольная и чуждая предмета вставка. Между тѣмъ, по этому-то, вѣроятно, разсказу діалогъ получилъ и самое свое надписаніе, если только писателемъ его не былъ какой-нибудь Иппархъ.

¹ Примѣры его мудрости выставляются у Геродота (IV, 76, 5), гдѣ рассказываетъ о нихъ Анахарсисъ, *γην πολλὴν θωροήσας καὶ ἀποδείξάμενος κατ' αὐτὴν σοφίην πολλήν.*

² То, что здѣсь приписывается одному Иппарху, другіе писатели усваиваютъ большею частію Солону и Пизистрату. См. *Wolfii Prolegg. ad Hom. p. XCIX, CX, CXI sq. Heurnii Excurs. ad Iliad. XXIV, T. VIII, p. 809. Heinrich. Epimenid. p. 157.* Его же *De diasceustis Homeri, p. 17 sq.*, а особенно *Perison. ad Aelian. V. Hist. VIII, 2.* Поэтому не лишнее изслѣдовать, откуда взялъ свое сказаніе писатель Иппарха. Можно сказать почти съ увѣренностью, что возбуждаемый страстью къ ораторству, онъ находилъ приличнымъ всѣ установленія, приписываемыя Солону и Пизистрату, отнести къ своему герою. Если это справедливо, то нельзя не согласиться съ *Huttmel*, который въ книгѣ *De Historia Homeri* (p. 164) говоритъ, что для правильной оцѣнки излагаемаго въ Иппархѣ разсказа нужно бы рѣшить другой вопросъ, гдѣ у Аттиковъ былъ Омиръ, и откуда Иппархъ могъ принести его. Писатель Иппарха ясно сказалъ: *τὰ Ὀμήρου ἐπὶ πρῶτος ἐκδιήσεν εἰς τὴν γῆν ταυτηνί.* Потомъ это сказаніе безъ всякой критики принялъ *Элианъ* и сталъ въ прямое противорѣчіе съ своими же словами (*Libr. XIII, c. 14*) о Пизистратѣ, оговариваясь только: *εἰ δὲ ὁ Ἰππάρχος Πλάτωνος ἐστι τῷ ὄντι.*

³ Диогенъ Лаэртій приписываетъ это Солону, говоря (*in Solone § 57*), что онъ первый установилъ читать омирическіе стихи *ἐξ ὑπόβολλης*, т. е. *ἐξ ὑπολήψεως*. См. *Wolf. Prolegg. ad Hom. p. 140.* Съ этимъ почти согласно сказаніе Цицерона (*de Orat. III, 34, 137*), который говоритъ, что книги Омистра, сначала смѣшанныя, Пизистратъ привелъ въ извѣстный порядокъ. Объ этомъ же постановленіи, скрывъ только имя постановителя, говоритъ *Исократъ* — *Ранегуг. с. 42. Lycurg. adv. Leocr. с. 26.*

⁴ Объ Анакреонѣ и Симонидѣ то же говоритъ и *Элианъ* (*Vitt. VIII, 2*);

вать гражданъ, чтобы управлять ими, какъ наилучшими, и не считалъ нужнымъ завидовать кому-нибудь въ мудрости, такъ какъ былъ человекъ прекрасный и добрый. Когда же жители D. ли городскіе вышли у него образованными и удивлялись его мудрости,—онъ задумалъ дать образованіе и жителямъ сельскимъ; а для этого по дорогамъ—и среди города и по демамъ поставилъ эрміады ¹, потомъ изъ запаса своей мудрости, какая частію была изучена, частію изобрѣтена имъ самимъ, избралъ по своимъ мыслямъ наимудрѣйшее и, изложивъ это въ элегіяхъ ², свои стихотворенія и образцы своей мудрости начерталъ на тѣхъ эрміадахъ, чтобы граждане его не удивля- E. лись уже мудрымъ надписямъ дельфійскимъ, каковы: «познай себя,» «ничего слишкомъ,» и другія подобныя, но считали болѣе мудрыми изреченія Иппарха и, при прохожденіи взадъ и впередъ мимо эрміадъ, перечитывая начертанное на нихъ и наслаждаясь мудростію Иппарха, приходили изъ деревень для образованія себя и во всемъ прочемъ. Надписей было двѣ. На лѣвой сторонѣ каждой эрміады написанъ былъ эрміей, говоря- 229. щій, что онъ стоитъ на срединѣ между городомъ и демою, а на правой,—

а Перизоній прибавляетъ: *καὶ γὰρ ὡς ἦν φιλοχρήματος ὁ Σιμωνίδης, οὐδαίς ἀντιφύσει.*

¹ Эрміады—*Ἐρμῆς ἑστῆσαν*. Эрміады или эрмы были у Грековъ *τετράγωνοι κίονες*—четыреугольныя статуи, мѣдныя или мраморныя, безъ рукъ, и безъ тѣлесныхъ формъ, но съ человѣческою головою. Онѣ представляли Меркурія и отъ того получили свое имя. Ихъ нерѣдко поставляли предъ дверьми храмовъ и предъ домами знаменитыхъ гражданъ, чаще же всего на перекресткахъ, или въ такихъ пунктахъ, гдѣ сходились много дорогъ. Въ этомъ случаѣ на нихъ были надписи, показывавшія, куда ведетъ дорога, а другія заключали въ себѣ какія-нибудь нравственныя правила жизни. Объ этихъ-то эрміадахъ говоритъ *Cornel. Nepos* (v. Alcib. c. 3), что въ одну ночь въ Афинахъ всѣ онѣ были опрокинуты, кромѣ одной, стоявшей предъ дверьми Андокиды и называвшейся эрміадою Андокидовою. *Hermap. Lex. v. Hermae.*

² Здѣсь говорится объ эрміадахъ придорожныхъ, стоявшихъ по путямъ между Афинами и демами. На нихъ было по двѣ надписи: одна на правой сторонѣ, другая на лѣвой. По изслѣдованію Фурмонція, съ одной стороны начертывался пентаметръ, съ другой гексаметръ; и это писатель Иппарха называетъ *ἑλεγίον*, только, кажется, неправильно; потому что *ἑλεγίον* есть двустушіе, какимъ гномическіе философы древности обыкновенно выражали ту или другую мысль.

Правило Иппарха: водись помысломъ правды.

На другихъ эрміадахъ написаны другія стихотворенія, и было много прекрасныхъ. Такъ, напримѣръ, на стиріакской дорогѣ надпись говорила:

Правило Иппарха: друга не обманывай.

В.

Посему, я никакъ не рѣшился бы обмануть тебя, моего друга, и не послушаться того, столь мудраго человѣка, ради котораго Аѣиняне, и по смерти его, находились три года подъ владычествомъ брата его, Иппіаса. И ты могъ бы услышать отъ всякаго старика, что только въ эти годы была въ Аѣинахъ тираннія, а въ другія времена Аѣиняне жили какбы подъ скипетромъ Кроноса. Люди говорливые рассказываютъ, а за С. ними повторяетъ и чернь, будто смерть его послѣдовала отъ того, что онъ обезчестилъ сестру Армодія, носительницу священной корзины: но этотъ рассказъ нелѣпъ. Нѣтъ, Армодій былъ любимъ Аристогиономъ и воспитывался у него. Аристогионъ очень заботился о его воспитаніи и, въ отношеніи къ нему, почиталъ своимъ соперникомъ Иппарха. Въ то время и самъ Армодій любилъ одного изъ прекрасныхъ и благородныхъ тогдашнихъ юношей, — сказывали и имя его, но я не помню. Этотъ юноша сперва удивлялся Армодію и Аристогитону, какъ мудрецамъ; а потомъ, познакомившись съ Иппархомъ, презрѣлъ ихъ. Оскорбленные такимъ безчестіемъ, Армодій и Аристогионъ умертвили Иппарха. D.

Др. Такъ должно быть, ты, Сократъ, или не считаешь меня другомъ, или и считаешь, да не слушаешься Иппарха. Въдь я не могу убѣдиться твоими словами, что ты, не знаю, какимъ-то образомъ, не обманываешь меня.

Сокр. Пускай же будетъ и въ рѣчахъ, какъ бываетъ въ шахматной игрѣ: я согласенъ взять, какое угодно, мое слово Е. назадъ, лишь бы ты не думалъ, что я тебя обманываю. Хочешь ли, возьму назадъ то, что всѣ люди желаютъ благъ?

Др. Никакъ не хочу.

Сокр. Или то, что оставаться въ убыткѣ и самый убытокъ — зло?

Др. И этого не хочу.

Сокр. Ну такъ то, что корысть и корытоваться есть противуположное убытку и несенію убытка?

230. *Др.* И это также.

Сокр. Да не то ли, что корытоваться, какъ дѣйствіе, противуположное злу, есть добро?

Др. Не бери у меня назадъ ничего этого.

Сокр. Значить, тебѣ кажется, что въ корысти одно—добро, а другое—зло.

Др. Да, кажется.

Сокр. Такъ я беру назадъ: пусть одна корысть будетъ нѣчто доброе, а другая нѣчто злое.—Но добрая корысть есть не болѣе корысть, какъ и злая. Не такъ ли?

Др. Какъ ты спрашиваешь меня?

Сокр. Я скажу. Хлѣбъ бываетъ хорошей и худой?

Др. Да.

В. *Сокр.* Но одинъ изъ нихъ больше ли хлѣбъ, чѣмъ другой, или оба они равно то самое—хлѣбъ, и съ этой стороны ничѣмъ не отличаются одинъ отъ другаго, поколику, то-есть, оба—хлѣбъ, отличаются же тѣмъ, что одинъ хорошъ, другой худъ?

Др. Да.

Сокр. Не то же ли самое—о питьѣ и о всемъ другомъ? Эти вещи тождественны между собою, и хотя однѣ изъ нихъ хороши, а другія нехороши, однакожъ, сами въ себѣ,—съ этой стороны взаимно не различаются, какъ и человѣкъ не различается отъ человѣка, хотя одинъ будетъ добръ, другой золъ.

Др. Да.

С. *Сокр.* Человѣкъ-то, думаю, кто бы онъ ни былъ, не больше и не меньше другаго,—ни добрый больше злаго, ни злой больше добраго.

Др. Ты говоришь правду.

Сокр. Не такъ ли мыслить намъ и о корысти, что корысть-то,—зла она, или добра,—равно корысть?

Др. Необходимо.

Сокр. Стало-быть, ничѣмъ не больше корытуется чело-вѣкъ, имѣющій добрую корысть, какъ и злую; потому что некоторая корысть, какъ мы согласились, не является больше корыстью.

Др. Да.

Сокр. Такъ какъ ни къ которой изъ нихъ не прибавляет-ся ни больше ни меньше.

Др. Конечно не прибавляется.

Сокр. Какъ же можетъ кто-либо дѣлать что, или терпѣть больше или меньше—тою вещью, къ которой ничто такое не прибавляется?

Др. Невозможно.

Сокр. Итакъ, если обѣ эти корысти равно корыстны, то намъ теперь надобно изслѣдовать, на что смотря, какъ на тожественное въ той и другой, ты въ обѣихъ находишь причину называть ихъ корыстью? Положимъ, тебѣ захотѣлось **Б.** бы спросить меня: почему я и хорошій хлѣбъ и худой—равно тотъ другой называю хлѣбомъ?—И отвѣчалъ бы: потому, что тотъ и другой есть сухая пища тѣла. Вѣдь согласишься, конечно, и ты, что таково понятіе хлѣба. Не такъ ли?

Др. Такъ.

Сокр. И о питьѣ была бы та же формула отвѣта, что, то- **231.** есть, жидкой пицѣ тѣла, — хороша она или худа, — имя одно это—питье; подобнымъ образомъ отвѣчалъ бы я и о другихъ вещахъ. Такъ постарайся и ты подражать мнѣ въ своемъ отвѣтѣ. Корысть добрую и корысть злую — ту и другую называя корыстью, что видишь ты въ ней тожественное, почему она есть корысть? А если самъ отвѣчать не можешь, то вникни, что буду говорить я. Корыстью считаешь ты всякое ли пріобрѣтеніе, какое кому достается, когда пріобрѣтшій получаетъ много, ничего не истративъ, или истративъ малость?

Др. Кажется, это называю я корыстью.

В.

Сокр. Не такъ ли разумѣешь ты ее? Человѣкъ—на пиру: онъ ничего не тратитъ, но, разгулявшись, пріобрѣтаетъ бо-лѣзнь.

Др. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ.

Сокр. А пріобрѣтши отъ пира здоровье, корысть ли пріобрѣлъ бы, или убытокъ?

Др. Корысть.

Сокр. Стало-быть, не то-то корысть — пріобрѣсть, какое ни случилось, стяжаніе.

Др. Конечно не то.

Сокр. Не получить корысти тотъ ли, кто не получить чего худаго, или тотъ, кто — добраго?

Др. Видимо, кто добраго-то.

Сокр. А кто получить худое, тотъ потерпѣть, видно, убытокъ?

С. *Др.* Мнѣ кажется.

Сокр. Такъ видишь? ты опять перебѣгаешь къ тому же: корысть представляется тебѣ добромъ, а убытокъ — зломъ.

Др. Но я въ недоумѣніи, — что сказать.

Сокр. И недоумѣніе твое — не безъ причины. Отвѣчай мнѣ и на это. Кто меньше истратилъ и больше пріобрѣлъ, тотъ имѣеть ли, скажешь, корысть?

Др. Да, лишь бы было, говорю, не худое; лишь бы меньше истратилъ и больше получилъ золота или серебра.

Д. *Сокр.* Объ этомъ и буду я спрашивать. Положимъ, кто-нибудь, истративъ полфунта золота, получилъ вдвое серебра: корысть, или убытокъ получилъ онъ?

Др. Вѣроятно, убытокъ, Сократъ; потому что вмѣсто двѣнадцати частей, къ нему возвратилось только двѣ части серебра .

Сокр. Однакожь онъ получилъ больше. Развѣ двукратное не больше половины?

Др. Но по цѣнности-то, серебро ниже золота.

Сокр. Стало-быть, къ корысти должно, какъ видно, присоединяться это — цѣнность. Вотъ теперь серебро, хотя его боль-

⁴ Отношеніе фунта золота къ фунту серебра было какъ 12 къ 1. Это мѣсто изъяснилъ *Letronne* въ своемъ отвѣтѣ г-ну Гарнье. См. *Les considérations générales sur l'évaluation des monnaies grecques et romaines*. Paris. 1817.

ше, не стоять, говоришь, золота, а золото, хотя его меньше, стоять, говоришь, серебра.

Е.

Др. Непремѣнно; это такъ.

Сокр. Стало-быть, корыстна цѣнность,—мало ли будетъ чего, или много,—а нецѣнность некорыстна.

Др. Да.

Сокр. Подъ цѣннымъ же иное ли что разумѣешь ты, какъ не то, что стоитъ пріобрѣтенія?

Др. Да, что стоитъ пріобрѣтенія.

Сокр. А стоящее пріобрѣтенія бесполезно ли, говоришь опять, или полезно?

Др. Вѣроятно, полезно.

232.

Сокр. Но полезное не есть ли доброе?

Др. Да.

Сокр. Поэтому, неустрашимѣйшій изъ всѣхъ смертныхъ, не приходится ли намъ опять—въ третій или четвертый разъ согласиться, что корысть есть доброе?

Др. Вѣроятно.

Сокр. Помнишь ли, откуда вышло наше слово?

Др. Думаю.

Сокр. А не то,—я напому. Ты спорилъ со мною, что добрые хотятъ корыстоваться не всякою корыстью; но если она—добро, корыстуются, а зло,—нѣтъ.

Др. Такъ.

Сокр. Теперь же изслѣдованіе не заставило ли насъ согласиться, что всякая корысть,—мала она, или велика,—есть добро?

Др. Заставило, Сократъ, по крайней мѣрѣ меня—больше, чѣмъ убѣдило.

В.

Сокр. Но послѣ этого, можетъ быть, и убѣдить. Теперь, по убѣжденію, или какъ иначе, ты соглашаешься съ нами, что всякая корысть,—мала ли она, или велика,—есть добро.

Др. Конечно соглашаюсь.

Сокр. А всѣ добрые люди хотятъ всякаго добра,—соглашаешься ты, или нѣтъ?

Др. Соглашаюсь.

Сокр. Но и злые то, сказали ты самъ, любятъ корысть малую и великую.

Др. Сказалъ.

Сокр. Такъ, по твоимъ словамъ, всѣ люди корыстолюбивы—добрые и злые.

Др. Явно.

Сокр. Стало-быть, кто порицаетъ кого за корыстолюбіе, тотъ неправильно порицаетъ; потому что таковъ же и самъ порицатель.

